

Геннадий СУХИН

— Алексей Владимирович, вы можете представить своих героев в криминально-кризисной нынешней обстановке?

— Классику тоже берем? Тогда Гуров из «Дамы с собачкой»: он домовладелец и ему-то как раз нынче хорошо должно быть. Саша из «Дела Румянцева»? Он, конечно, постарел. И остался без работы — нынче же везде молодых берут! Он, может, пошел машины ремонтировать — нет, не в большую какую-то мастерскую, так, по своему двору: масло, скажем, меняет. На пенсию же нынче ни хрена не прожизнешь!

— Герои Баталова всегда в своей жизни занимались тем, что хотели бы делать и что умели делать хорошо?

— Да, безусловно! Гоша... Там же драматургически именно так вопрос поставлен, что без слесаря-универсала этого у академиков чего-то там не крутится, что должно крутиться. А «Дорогой мой человек», Устименко?! Тот же вообще врач «идейный»: по собственной воле в провинцию уехал, сам себе лишения создавал. Да вся его жизнь — целеустремленный, выстрадаанный, разумный выбор собственной жизненной, так сказать, стези!

—...Гоша, которым вы с Меньшовым обманули толпы одиноких советских женщин?

— Ты знаешь, я прекрасно понимал, что весь этот Гоша только затем и нужен был Меньшову с Черныком, чтобы хоть как-то завершить двухсерийные страдания одинокой женщины. Другое дело, что день на третий он вполне может врезаться ей бутылкой по голове. А почему нет? Он же от первой жены ушел, новая тоже «начальница». Он пьет вусмерть, дерется... Да это только «одинокие советские женщины» не рассмотрели его как следует!

Ни секс-символом, ни звездой в юности его не считали; назывался он популярным, бывал известным, провозглашался даже эталоном интеллигентности, человечности, душевности. Молодой Баталов — обаятельный и «домашний» — стал таким же символом оттепельной поры, как Гагарин: он воспринимался как модель «юноши XX века». И, может, поэтому даже михалковский дядя Степа в книжке, оформленной художником Константином Ротовым, предстал с внешностью Баталова: на образ актера работало все — и его артистическая наследственность, и его причастность к традициям МХАТа... и чуть-чуть тот факт, что был он в то время зятем иллюстратора... Однако ни наследственность, ни сопричастность ничего, по сути, не решают.

Сам Алексей Владимирович весьма скептически относится к своей персоне и «эталонность» своего героя объясняет так:

— Конечно, амплуа — дело условное, но ведь из Школы-студии МХАТ я выпускался как актер характерный, смешной, попросту говоря. А уж в «героя современности» меня потом кино переделало: ведь Алешка Журбин из «Большой семьи» и Саша Румянцев — мои первые киногерои — вовсе не мое амплуа по Школе! Подозреваю, что на Журбина меня Хейфиц взял в «масть» исполнителем главных ролей: ведь Борис Андреев и Сергей Лукьянов в то время киты были, а кто меня-то знал? Хейфицу «семью» подобрать надо было: чтоб мальчик с голубыми глазами, как у Андреева, чтоб курносый, чтоб и на деда — Лукьянова — где-то похож. На эту роль человек двенадцать пробовались!

Кстати, ведь мне — да как, наверное, и любому другому актеру! — ни разу не довелось сыграть героя, так сказать, стопроцентно адекватного самому себе по характеру, мироощущению, взглядам на жизнь. Между собой Гусев из «Девяти дней одного года», Голубков из «Бега», чеховский Гуров, Румянцев имеют мало общего уже потому, что бы, что имеют мало общего с моим собственным характером. Мне приходилось играть физика-атомщика, шофера, врача, летчика, сварщика, и всегда находились люди, узнававшие в моих экранных героях самих себя или своих знакомых. О Гоше, например, критики писали: «Таких не бывает». А у меня есть письмо, где написано: «Вы сыграли мою судьбу».

Не верьте актеру, когда он говорит, что устал от поклонниц, писем и популярности — актер не может жить без публики. Артист, не собирающий зрителей, не артист, в этом и состоит мерзость нашей профессии. Если в жизни человека честь признается неопределимым благом, то в жизни актера слава — самое драгоценное, чего он может достичь. Он может как угодно процветать, но если зритель его забыл, актера уже нет!

Однажды мне сказали, что в каком-то опросе я попал в число действующих кумиров экрана. Это было для меня большой радостью: как, они помнят?! Хотя много и таких, которые говорят: мы вас не знаем! Но когда я года четыре назад на вручении мне премии фестиваля «Созвездие» увидел,

Гоша всех времен

Алексею Баталову — семьдесят

собственного ремесла, мои убеждения — перед ними, пусть ходят вокруг и выбирают по вкусу.

— Вы у ребят своей мастерской не замечали комплекса провинциала — ведь вы в основном вели курсы «республиканские», как их называли в свое время: киргизский, белорусов...

— Такой комплекс, мне кажется, у них больше в личной жизни — говор, уклад, который их сформировал. Все это чрезвычайно важно, но — до сцен. На сцене-то видно, как ты играешь — откуда бы ты ни приехал; сцена очень сильное средство реабилитации, очень сильное!

— А когда в далеком уже прошлом уроженец провинциального города Владимира Леша Баталов начинал покорять столицу, подобный комплекс его не преследовал?

— Я ведь москвич с самого начала! Меня только родили во Владимире, потом туда возили регулярно к бабушке с дедушкой — пока их не порасстеляли. А жил я все время в Москве: мы с папой-мамой обретались буквально в самом МХАТе, на одной лестничной площадке с дядей Васей Качаловым. Я сроду не знал, что такое песочница: гулял между декорациями, которые попозже сам же и разрисовывал...

Я, кстати, куда позже понял, каких мне судьба людей рядом поставила! Мне, например, один человек как-то сказал, что я — человек неандертальской эпохи. Поэтому я и сегодня не собираюсь делать вид, что освоил новую жизнь — я уж лучше и не буду ее осваивать, останусь в том самом «садики»...

А насчет комплексов, другой был — тоже гадость, между нами говоря: то я сын чей-то, то племянник... Я ведь даже в Школе МХАТ у собственного дяди — Виктора Станицына — учился! Приходилось слышать: «Ну, конечно, это его Андровская научила!.. Или: «Разумеется, это они там позвонили и его взяли...». И у меня было постоянное желание доказать, что я и сам, без многочисленных моих академических родственников чего-то стою.

Во время работы над дипломным спектаклем по рассказам Чехова, например, бывал у Ольги Леонардовны Книппер. И вот отыграли мы спектакль, вышли следом за ней в вестибюль, а она меня так от вешалки поманила лукаво: «Ну, артист, теперь уж ты меня забудешь, наверное?.. Давай диплом тебе подпишу». Я отнекиваться стал: неудобно, получается, что составляюсь, мол. Пусть уж будет, как полагается, как всем. Она пристально на меня посмотрела и по мере того, как я говорил, веселое выражение ее лица менялось задумчивой грустью: «Неси, дурак, потом поймешь!».

— Владимир, ваш отец, иногда писался в титрах фильмов как «Аталов», дядя же, Николай, — всегда «Баталов». Вы не интересовались, откуда пошла такая разница? Да и вообще фамилия...

— Думаю, от «батоло» — вешали такое приспособление коровам на шею. Дядя, правда, уверял, что был при дворе Екатерины II причесывальщик Баталини — ну да во МХАТе и не такое выдумывалось! Так что за то купил, за то и продаю. А по поводу «Аталова»: ехидный Станиславский запрещал актерам-родственникам иметь одинаковые фамилии, поэтому и была Андровская, хоть и жена Николая Баталова. Папа же, пока был дядя жив, назывался Аталов.

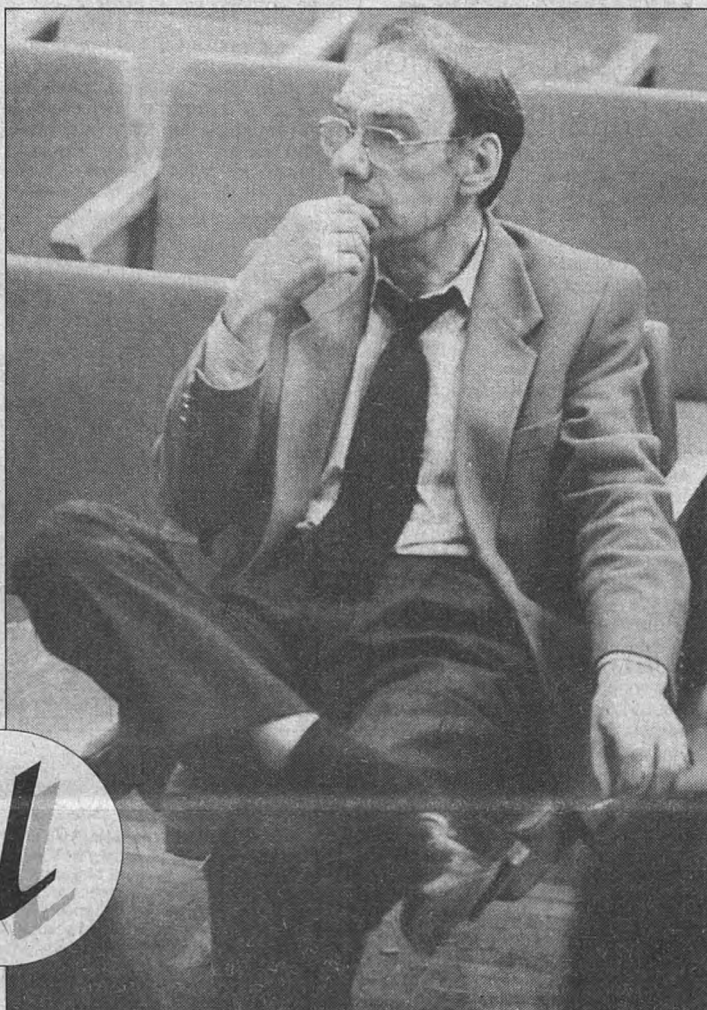
«Типовая» критическая цитата: «Герои Баталова — искренние, простые, естественные ребята с чуть застенчивой улыбкой... отвечали надеждам и чаяниям зрителей увидеть на экране образцового, но не идеального героя».

— Вы соглашаетесь с подобным экзерсисом, Алексей Владимирович?

— Да актерские байки все это: «мой образ», «моя тема». Ну не позволил тебя на роль «героя современности», так и сиди дома. Относительно меня — все претензии к Иосифу Ефимовичу Хейфицу, который из мальчика «запаса» МХАТа сделал актера кино, к которому и приклеили образ «положительного героя современности».

— А по поводу «настоящего мужчины», который...

— А я мужчина ненастоящий. Это я только роль играл «настоящего». И артист я «ненастоящий»: у меня нет комплекса упущенных ролей, неиспользованных возможностей. Вот Райкин, Смоктуновский, Женья Евстигнеев были поглощены этой профессией без остатка, жили ею. А я делал то, что мне было интересно, никогда никуда не торопился. Во мне нет одержимости актерской, страсти; актер — это же постоянное «играние»! А мое самочувствие складывалось всегда из более личностных компонентов, нежели профессиональная востребованность. Я не хуже и не лучше других. Просто такой, какой есть.

Сергей КУЗНЕЦОВ

Женщин

Алексей Баталов сейчас — педагог, режиссер, общественный деятель. Тем не менее народ знает исключительно артиста! При этом одинокие прелестницы в электричках поджидали подчас не столько даже «слесаря-универсала» из оscarоносной киносказки «Москва слезам не верит», сколько сильного, красивого и честного «дядю Степу» — он в давнишней книжке детгизовский нарисован Баталова.

«Дело Румянцева»

«Большая семья»

что сидевшие в зале актеры и режиссеры — а там не было случайных людей! — ко мне относятся очень тепло, испытываю огромное счастье. А ведь я в последнее время и не снимался, и не снимал. Хотя и занимался тем, что мне интересно: ставил во ВГИКе молодых, как и меня когда-то ставили.

В педагогику попал случайно: после смерти Бабочкина его курс остался неприкаянным. И чтобы не играть секретарей парткомов или колхозных активистов, я согласился их «довести». (С тех пор, то есть с 1975 года, на счету зав. кафедрой профессора Баталова уже шесть выпусков актерских мастерских. — Ред.). Из собственной жизни я не делаю для ребят тайны: опыт